

Вьюга

Снег мокрый и липкий, тяжёлый и клейкий...
И вырвалась вьюга, как львица из клетки.
Такого в природе давно не бывало:
И дует, и воет, и валит, и валит!
И всё забивается одновременно –
Дорожные знаки, ухабы, разметка,
И на середине дороги, и с краю
Немыслимый хаос, главенствуя, правит
В какой полосе?! Непонятно и страшно.
Заляпаны датчики снежной кашей.
Всё в дизельном смоге, клочкастом и пегом,
И все переходы завалены снегом,
Моторов рычанье и скрежет железный.
Скользят башмаки. Тормозить бесполезно.
И каждый застрявший в своём капюшоне –
Как звукалишённый, как светалишённый.

Сутроб

Он гордым был, белел, как сахар,
Сверкал кристаллами в мороз,
Теперь он, съёжившись от страха,
Опал, поник, повесил нос,
Он уши подбирает, лапы,
Он хвост поджал, втянул живот,
Он от жары готов заплакать,
Смешав волнение, слёзы, пот.
Он прицепился к тени туго
И пятится за нею днём,
Вжимаясь в самый тёмный угол,
Мечтая отсидеться в нём.
Спина безвольная провисла,
Он почернел, он занемог,
И тут сказать бы надо «высох»,
Так нет, наоборот, он взмок.
А солнце ярче, жарче, ближе,
Он в панике, он жив едва...
А из его подбрюшья дышит
Уже зелёная трава.

Хоть на часах всего лишь восемь,
На небе ни полоски света.
В природе осень, осень, осень,
Пусть на календаре и лето.
И Спас не спас от непогоды.
И не попал за стены рая,
Холодный ветер властный, гордый
По саду яблоки швыряет.
И не осталось ни листочка
Среди ветвей усталых яблонь.
Сад обнажился. Осень. Точка.
Всё, что таилось, стало явным.
И все, кто скомкан и разрушен,
Кто слепо верил летней неге,
Стремятся исповедать душу
Пред надвигающимся снегом.

Февраль

Ах, нынче февраль особенный.
Горячая голова.
И вьюги – его пособники,
И ветры – его братва.
Как будто сорвался с привязи:
Влетел – и давай бузить,
Машины по уши вывозив
В дорожной густой грязи,
И с полем равнять обочины,
Без видимой в том нужды
Пугать, свистеть по-разбойничьи
И вмиг заметать следы.
Он зиму признал обузой,
Но всем отомстить грозя,
Снег вывалил, как из кузова.
Где ж он его столько взял?!
И нет от него спасения.
И не сосчитать обид...
Но небо уже весеннее.
И солнце уже слепит!

Она

Она сама ещё не поняла...
Уже почти привыкнув к боли, к жару,
К ворчанию пружин кровати старой,
К таблеткам, каплям на краю стола,
К назойливому кашлю после сна...
Но днём она услышала капли,
И птицы за окном её запели,
И их послушать поднялась она.
Она себя ещё не поняла.
Чуть приоткрыла форточку, вздыхая,
Потрогав землю, чувствуя – сухая,
Она цветка пока не полила,
Отметив для себя – давно пора,
Особенно сухой лиловый, крайний –
Оторвала увядший лист герани,
Которого не видела вчера,
И ощутила запах. И рукой
Коснулась листьев будто бы со страхом,
И поняла – конечно, пахнет, пахнет!
И воздух, он как будто стал другой.
Она ещё поверить не могла
В то, что болезнь уже преодолима,
И силы возвращаются незримо,
Как сок весной струится вдоль ствола,
И что она почти пережила
И боль, и одиночество, и зиму.

Весна

Ноги стёрты, лоб в поту –
Что это со мною?
Я иду на поводу
За шальной Весною.
Пыль озимую стряхнув
С мутного окошка,
Я увидела Весну
В платье и в сапожках.
Ни платка, ни зипуна –
Ночью будет кашлять.
Ранняя у нас она,
Глупая пока что!
Но за ней не только я –
Мир расправил крылья:
Треснул где-то лёд колясь,
Сок потёк по тополям,
Даже зёрнышки в полях
Под землёй раскрылись.
Шумно от её проказ!
Радуют причуды!
Это всё не видит глаз –
Только сердце чувствует...
Мир ликует! Я бегу.
Опоздать опасно.
Надо яйца и муку
Приготовить к Пасхе.

Гроза

Идёт великая гроза
По небу смело.
И кто там «против» или «за» –
Какое дело!
И стягивая толщи туч,
Грозит с востока,
А кажется – и там, и тут –
Везде и только!
Уже совсем недолго ждать
Долинам голым.
И полны ветра и дождя
Её подолы.
Здесь с тенью свет,
Здесь зло с добром
В цветах и в лицах.
Сейчас прибудет всем двором
Императрица.
Парчою всполохи горят,
Кружась со свистом,
О, как красив её наряд!
Как пышна свита!
Как невесом её покров,
Покаты плечи,
Как молнии из рукавов
Широких мечет!
Они и жар её, и лёд
Несут мгновенно,
Они артерии её,
Сосуды, вены.
Она не балует народ –
Не мягко стелет,
И молниями небосвод
На части делит.
Где отгрохочет стороной,
А где-то выльет,
Покорность трав, их сушь и зной
Смешавши с пылью.
Дождь доберётся до корней –
Тугой, недолгий...
И лес, сгибаясь перед ней,
Падёт ей в ноги.
Но с нею неуместен торг,
И тонет в лужах
И оглушительный восторг,
И тихий ужас.
Она и правит, и царит,
И всё сначала,
И что о ней ни говори –
Всё будет мало...
И эта царственная, как
Ни глянь, особа,
Приткнув подолы впопыхах
И скинув обувь,
Установив во всех делах
Свои порядки,
К утру мне клумбы полила,
И сад, и грядки.

Полнолуние

Припасть пыталась к каждому окну,
Цеплялась за фигурный край фронтона,
И просто не давала мне уснуть,
Заглядывая в дом бесцеремонно.
Зависнув в пустоте над сотней крыш,
Готовая ехидно похихикать,
Сочувствует притворно: «Что, не спишь?»
Самодовольно круглая купчиха.
«Ещё всех толстых книг не перечла?
За всех ещё не допереживала?
И голову свою не довела
От круглости здоровой до овала?»
Мне каждая минута дорога.
Уснуть хотелось, проглотив обиду,
До тошноты, до судорог в ногах,
Чтобы её не слышать и не видеть.
Завесить окна полотном любим.
Закрыть – и не оставить даже щёлки.
Уснуть крепче, а потом забыть
Довольные лоснящиеся щёки.

Иди туда, где тёплые моря,
Верши свои приливы и отливы.
Ты здесь у нас бездельничаешь зря
И мучаешь меня несправедливо.
Ты скоро ущербись – поделом!
Ну а сейчас катись своей дорогой.
Твои подружки – те, что с помелом,
Общайся с ними, а меня не трогай!
Природный не остановить процесс,
Ты подневолью движешься по кругу,
Ты скоро превратишься в букву «С» –
Изгорбленную жёлтую старуху...
А после будет месяца черёд –
Взойдёт курносый, озорной, задорный.
Мы будем целоваться у ворот,
Читать стихи и сеять помидоры.

На усталые плечи,
В серый клетчатый плед
Молодая беспечность
Потерявшихся лет,
Как звезда с небосвода,
Та, что ярче других,
Упадёт через годы,
Будто вспомнив долги.
И заставит поверить
И стряхнуть седину,
Не считая потери
И прощая вину,
И поднимет, подхватит,
Как платок с головы,
И надену я платье
Цвета мокрой травы,
Среди звона и гуда
Унесёт, закружит
И подарит мне чудо
Обновлённой души.

Стекает время с крыш застенчивой капелью –
Накапало уже три месяца в году.
Сосульки на трубе, как яблоки, поспели
И их пора снимать, иначе упадут.
И время нанесло слоёные сугробы.
Как в кольцах годовых, запутались они.
Но солнце припечёт и их растопит, чтобы
Могучею рекой текли часы и дни.
Весною всё быстрее, свободней и проворней.
Дни вырвались вперёд из плена вьюг и зим.
А лучше ль, что быстрее? Наверно, это спорно.
Но мне не выбирать, а радоваться им.
И как определить, какую меркой мерить.
Где полон календарь, а где сплошной пробел.
И как мне разделить оставшееся время,
Чтоб всем, кого люблю, и чуточку – себе.

Лёд

Растаяли снега. Зарозовели дали.
Травинки первых дрожь и птиц беспечных звон.
И вдруг ворвался он. Он тот, кого не ждали, –
Свирепый, ледяной арктический циклон.
И солнца яркий луч среди туч тяжёлых сгинул.
И вспомнилось опять всеисилье вьюг и зим.
Озёрный лёд воспрял и гордо выгнул спину,
И вновь поверил в то, что он неуязвим.
О, как вцепился он в плотины тело, в берег!
О, как ему нужна немая эта власть!
Чтоб пленница-вода не смела и поверить,
Что можно вольной быть, волнуясь и струясь.
И снова он упрям и так самодоволен,
Он холоден и сер, как мутное стекло.
Но стужи, холода – доколе же, доколе?!
И, ослабев, умчал арктический циклон.
А лёд, он рыхл и толст, но он на дно не хочет.
Тепло, капель, весна – какая ерунда...
Он тихо утонул сегодня тихой ночью,
И в берег утром бьёт вода, вода, вода.

Как холодно. Какой тяжёлый прессинг.
Не выдержали – улетели птицы.
И золота, накопленного лесом,
Не хватит от морозов откупиться.
И, коченея от предчувствий, стыннут,
Ещё не веря в страшные прогнозы,
Доверчивые ивы и осины,
Обманутые клёны и берёзы.
Ну, а зима все откровенней давит,
С Покрова гнёт и пуще брови супит,
Какой ни обложила б тяжкой данью,
Но, всё забрав, обманет и наступит,
Прижмёт, за горло схватит стылой тенью,
Снега надует – белые печали,
И кандалы на руки рек наденет.
И жизнь замрёт...
А после – всё сначала.